

«ШКАФ»

МАРИНА ЧИРКОВА

ЕДИНСТВО ВОСПРИЯТИЯ И ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ В ПОЭЗИИ ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

(Елена Севрюгина, *Раздетый свет*. – М.: Синяя гора, 2023. – 68 с.)

Привет, книга! Какая ты новенькая!

А давай с тобой, книга, погадаем на поэзино? Потому что всё преходяще, а поэзия вечна. Погадаем на жизнь, потому что жизнь хоть и не вечна, но живётся так, как будто была всегда и перманентно «всё ещё будет».

Доверимся автору и посмотрим, на какие вечные вопросы придёт ответ.

Ведь почему и для чего мы читаем? Возможно, наше читательское любопытство состоит наполовину из желания открывать миры, путешествовать в прошлое и обратно, а наполовину – уже из области предчувствий и стремления оберегать будущее...

Книга Елены Севрюгиной «Раздетый свет» производит сильное впечатление и интригует с первого же стихотворения:

*нас извлекут из пустоты,
не сразу всех – поочерёдно,
и вспыхнут грустные цветы
на коже памяти подводной,
и вспомнит вечная вода,
вращая времени спирали,
о том, чем были мы тогда,
когда ещё не умирали*

*когда в бесплотной высоте
мы были лепетом и летом
и, не имея глаз и тел,
срастались голосом и светом,
когда, оставшись за дверьми
не нами созданного рая,
внезапно сделались людьми,
себе судьбу не выбирая*

Нас извлекут из пустоты – это рождение или смерть и посмертная переоценка потомками?

Финал не поясняет, нет, но даёт примечательный синтез, ощущение одновременности того и другого. Если вдуматься – очень верное чувство: родился – значит, смертен, живёт – значит, уже умер где-то в далёком будущем, умер – значит, рождался и жил.

Читая далее, понимаешь: всё совершенно не случайно, и этот синтез – не разовая прихоть автора, но концепт, мировосприятие и, не побоюсь этого слова, парадигма. Новаторская, как мне представляется, парадигма. Пожалуй, если выделять основной посыл книги, достигший меня как читателя, он и заключается в этом новаторстве.

Для стихов, собранных в «Раздетый свет», универсально отсутствие традиционной для лирики дихотомии – чёткой границы между собственным «я» лирического героя и «другими», окружающими его. Авторская подача Елены представляет собой неразрывное единство восприятия и воспринимаемого, целостность без деления на объект и субъект. Герой и мир вокруг него срастаются в одно, в организм сиамских близнецов. И, что важно, внутренний конфликт при этом не только не исчезает, но напротив, предельно обостряется. Несогласие со взбесившейся реальностью, где внезапно не осталось места разуму и состраданию, где реки радиоактивны и жестокость заразительна, не утасует, но наоборот достигает максимальной интенсивности.

*на приводе на привязи у прияти
стоим и ждём до фюка нас не вытейте
нам так милы ромашки маки люттики
но мы не знаем люди-мы / не-люди-мы*

*небесные морские земноводные
но кажется счастливые свободные
идём себе от пристани до пристани
а приятя в нас всё явственней и пристальней*

Такова уж сила эмпатии, сиамские близнецы объединены судьбой, но это взаимопроникновение не приносит спокойствия. Неприятие зла, стусившегося в мире, не даёт автору безмятежно быть в настоящем, но побуждает заглядывать в будущее. И это несогласие столь велико, что даже когда лиргерой уже почти принял самый неизбежный из исходов, даже когда он (без вины виновато, что называется) почувствовал мировое зло как часть своей человеческой природы, в нём нет смирения, он знает, что свет и добро в конечном итоге непобедимы. Даже если сам не застанет их возвращения в искажённый, скомканный мир начала XXI века, свет всё равно придёт и, возможно, тогда настоящее станет стоящим. И эта сила неуслышанной души убеждает в её правоте.

*а пока за четтой самой призрачной из якутий
неболи голова причитает болгоголов
открывается глаз анютин
шелестит трава рождённая из огня
стебли-пальцы вонзая в тело
где-то там на совсем другой стороне меня
всё случится как я хотела*

И это превосходный ответ на вечный вопрос, легко ли сказать новое старому (пресыщенному/вредному) читателю? Легко ли сказать новое вообще на бог знает каком веку существования поэзии? Новое неисчерпаемо. То, что ново и цветно для самого автора, не боящегося потрепать/поранить собственную душу, то ново, свежо и захватывающее для читателя.

Думаю, этот новаторский подход, эта цельность восприятия и неизживаемость внутреннего конфликта – главное в книге Елены. Но, разумеется, не единственная её сильная сторона.

Елена Севрюгина – мощный лирический поэт, внимательный к деталям и богатый россыпями их. Лирическая героиня Елены – весьма яркая личность, она чувствительный и деятельный собеседник своего читателя.

*на иных непохожи но кажется чем-то жива
корневая основа сверставшая годы в слова
опустившая веки веков в золотые порталы
воробьей краснотала
полянкой латынью сильны
голоса прирастают смешеньем вины и войны
серебрится сократовым смехом
безымянное эхо
в этой точке любой из ушедших
как прежде живой*

Тут мне долго смотрелось, как Шиве, тысячько внезапно выросших глаз. Настолько ярким было именно зрительное впечатление, где все краски как будто против солнца, на просвет. И проступающие сквозь музыку цвета совсем иные темы... Знакомо и знаково это обморочное состояние провала

в читаемую книгу, когда ты уже и здесь и не здесь. И отрешённое «возвращение», и внезапное тревожное прозрение. Когда современность вдруг подбросит такое, что вздрагиваешь и понимаешь, как хрупка жизнь. А мы – что мы делаем? Проживаем дни если и не беспечно, то наугад... И это превосходный ответ на вечный вопрос, что такое литература и зачем она вообще.

Отличительная примета автора – выраженный собственный голос, неповторимый и узнаваемый. Такая же важная примета, как и прозрачный, ясный слог, которым написана книга.

Мне кажется, *раздетый свет* – это не трепетная свеча, но устремлённый вперёд прожектор, и одновременно калейдоскоп и витраж, разноцветье, разбиение луча на составляющие и обратный синтез белого.

Этим и привлекает поэзия Елены: честностью чувств, достоверностью быта и бытия:

*и в какой-то момент
реальность начинает казаться вымыслом
и наоборот
просто все работники фитнес-клуба
это скрамные люди
стыдящиеся своих идеальных тел
боящиеся своих неидеальных душ
ты и сам как будто меняешься
становишься улучшенной версией самого себя
и уже наплевать что тот
кто внушил тебе необходимость
ежедневного посещения клуба
сам не очень верит
что всё закончится красивой сказкой
со счастливым концом
ведь известно каждому
реклама это двигатель
очевидно неизбежного
надо же кому-то верить в мечту*

И ярким солнечным колоритом! Лиргероиня знает кое-что тайное и о лукавой женственности, и о стеклянной призме искущённости в глазу, и о восприимчивости души, и кое-что о любви...

*выбегаю в жизнь, почти одетта,
вот уже сквозь веки поплыла
трясузка солнечного света,
стрекоза сезонного тепла*

Воздушный язык, объёмный и лёгкий. Антураж красоты и одновременно неисчерпаемая человеческая теплота. Остановленное прекрасное мгновение, размах от скрипучей вечности до цветного-вспыхивающего «здесь» и «сейчас». Это Еленин мир такой, быстрый, сильный и разнообразный. Щедрый, увлекающий из осени обратно в лето, в свет и цвет, дух и запах, в сочное и густое «виноградное мясо» стихов:

*эти ласковые фрески
счастье призрачно но близко
если ты умеешь видеть
света хрупкие холсты
на забытом арамейском
на неведомом эльфийском
расскажи что миром правит
безупречность простоты*

И это превосходный ответ на вечный вопрос: что такое поэзия и зачем она именно такая, какая есть.

Зачем мы пишем вот так музыкально-красиво? Пожалуй, говорим стихами, когда силы обычных слов недостаточно. Одевшись в ритм, слово уже не речь, это – заклинание, сила, властно передающая эмоции. Что знаю я о бабушке в торговом центре?

*на втором этаже
местного торгового центра
бабушка-корейка
вяжет внуку белые русские варежки
рядышком палки для шведской ходьбы
милота да и только*

Как получается, что – всё знаю, всё нужное, чтобы считать эту историю чуточку своей, уже безразличной? Эмпатия в чистом виде, – почувствуй, как. Отмечу ещё мастерский штрих автора, добавляющей стиху объёма – переход от скандинавской ходьбы к скандинавской же мифологии, к обобщению через неё, в присутствии которого картинка совершает мгновенный кинематографический «отъезд» кадра, сюжет мгновенно и бесповоротно расширяется, частности ностальгически рассыпаются сквозь пальцы, и многое ясно о судьбе... и – парадоксально – о счастье.

*если настроить зрение
к миру лежащему в сфере неочевидного
можно увидеть лестницу
ведущую прямо к асгарду
к исполинскому ясеню
к дереву издрассиль чьи могучие корни
соединяют небо землю и преисподнюю
сохраняют хрупкое равновесие
пока звон спиц в морщинистых пальцах
перекрывает набат самых громких колоколов*

Отдельно хочется отметить приятное чувство юмора автора – уютное, бархатное. Мягкое.

*сумерки слепого закона,
дни меланхолически-пусты,
пасхой, доходящей на балконе,
причастились грешные коты*

А вот ещё:

*на реке спросил у грека грек
век ли прорастает в человеке
или человек врастает в век
кто каму опора корни крона
где причинно-следственная связь
удивлённо каркнула ворона
кое-как на ёлку взгромоздись*

Это из детства сделано. Только вспомнить – и сразу поплывут, как отражение сквозь отраженье, полупрозрачные лепестки былого и дум... И засветится сердце, улыбнётся и подобреет лишний раз к тем, кто рядом.

И это превосходный ответ на вечный вопрос, откуда мы приходим в литературу, какие мы до неё и зачем мы.

Мы были настроены на эти чувства тогда, в детстве, и не забывать бы теперь.

Щедрый язык Елены Севрюгиной довольно-таки быстро разбаловывает читающих. Но всё-таки каждый раз автору удаётся удивить. Вот и здесь – подкупило слово «потрепаться», неочевидная такая аллюзия. И сразу, конечно, возвращение чуда:

*но стоит только сыну улыбнуться
и ветру потрепаться с занавеской
и даже просто добродуру случиться
на улицах недобрых и пустых –
во мне опять звенит моя кремона
которая совсем не исчезала
и песня о которой позабыла
рождается в заветной немоте*

Хорошая, осязательная звукопись, сочный словарь и красивая ритмика – чувство движения, прорастания живого из текста. И превосходный ответ на вечный вопрос, велика ли сила уязвимых и нежность играющих. И превосходный ответ на вечный вопрос, что же всё-таки ЕЩЁ нам нужно – не то от поэзии, не то от судьбы...

В общем, если и говорить стихами, то для того, чтобы сказать невозможное в прозе. Размашисто, музыкально, ностальгически. Влажными, свежими крупными планами, а может быть, вышиванием оберега... Чтобы плакалось и улыбалось и одновременно. И Елене Севрюгиной в её новой книге «Раздетый свет» это полностью удалось.